

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ПРАВО

Центральная Азия: истоки современной клановости в политике

Ч. К. Ламажаа

(Московский гуманитарный университет)*

Современная политическая жизнь центральноазиатских народов отличается особенно сильным проявлением клановости во власти. Обращение к исследованиям проблем родства и власти в древности, которые провели авторитетные нomaдo-веды, показывает, что уже в древности клановая политика во власти в кочевых обществах определялась не только и не сколько «чистыми» родовыми группами, а кланами как определенными родоплеменными социальными корпорациями. Это обстоятельство обуславливает живучесть данного явления и большую сохранность клановости в политической жизни центральноазиатских народов в современности.

Ключевые слова: клан, род, племя, политическая культура, кочевые общества, древность, современность.

Central Asia: The Origins of the Modern Clanness in Politics

Ch. K. Lamajaa

(Moscow University for the Humanities)

Abstract: Modern political life of the Central Asian nations differ on extremely strong display of clanness of the authorities. Turning to the researches on problems of kinship and power in the ancient times, which have been done by scholars competent in nomadism, shows that in antiquity the clan politics of authorities of the nomadic societies was already determined not only and not merely by "clean" ancestral groups, but by clans as certain patrimonial and tribal social corporations. This circumstance calls forth vitality of this phenomenon and a considerable integrity of clanness in the political life of the Central Asian nations nowadays.

Keywords: clan, kin, tribe, political culture, nomadic societies, antiquity, the present.

Современная политическая жизнь центральноазиатских народов отличается особенно сильным проявлением клановости во власти (Ламажаа, 2007, 133–146). Как отмечают политологи, например О. В. Гаман-Голутвина, «семейные» политические кланы можно

встретить и в «русских» регионах, но скорее в качестве исключения. Наиболее же характерные элитные кланы усматриваются на региональном уровне, и характер их там, особенно в национальных республиках, в значительной мере определен доминирующими

* Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета. Тел.: (495) 374-75-95. Эл. адрес: lamajaa@mail.ru.

Статья подготовлена в рамках проекта «Клановость в политической жизни регионов России (на примере Тувы)», осуществляемого при поддержке Российского фонда гуманитарных исследований (РФГНФ) (грант № 07-03-00020а).

моделями политической культуры (Гаман-Голутвина, 2006, 390).

Для исследователя современного состояния проблемы клановости во власти необходимо обратиться к исследованиям проблем родства и власти в древности. Номадоведами в целом достаточно исследованы проблемы политической культуры кочевников, поэтому я отмечу некоторые важные проблемные аспекты, обобщив выводы ученых в интересующем нас ключе.

В первую очередь обнаруживаются терминологические проблемы двух типов.

Во-первых, у каждого этноса присутствовали свои обозначения социальных общностей, малых и больших, далеко не всегда соответствующие западным понятиям «род», «клан», «племя», «община» и пр. Н. Н. Крадин и Т. Д. Скрынникова приводят несколько типичных разночтений терминов кочевых культур, встречающихся в научной литературе, и признают, что у исследователей нет единого мнения о социальной организации кочевников, и проблема до сих пор остается нерешенной (Крадин, Скрынникова, 2006, 91).

Например, как писал Б. Я. Владимирцов, один и тот же этноним в XI–XIII вв. в монгольском обществе зачастую использовался вместе с терминами разного иерархического уровня. Род (оbox) являлся сложной величиной, состоящей часто из разнокровных элементов, и его трудно было отличить от племени (irgen). Происходило это из-за того, что роды у монголов находились в постоянном движении, были непостоянными, образовывали различные группы, от них отделялись ветви и образовывались новые роды (По: Там же, 81–82).

По мнению Т. М. Михайлова, перечислять родовые и территориально-родовые подразделения монголоязычных народов невозможно — их было сотни, а вопрос о существовании монголов племени является в принципе спорным: «монголы не знали его, не создали термина для его выражения, слово «племя» в текст «Сокровенного сказания» внесено извне, европейской наукой» (Михайлов, 1993, 187).

А. М. Хазанов, сопоставляя разные термины в отношении социальной организации скифов, отмечал, что по сравнению с «классическим» родом, представлявшим собой целостную структуру с четко определенными границами, границы рода у кочевников значительно более расплывчаты и неопределенны (По: Крадин, Скрынникова, 1996, 90).

Как отмечают Н. Н. Крадин и Т. Д. Скрынникова, интерпретация, поливалентность переводов объясняется сложностью двух типов: с одной стороны, полисемантической знаковой исследуемой культуры, т. е. неопределенностью терминов монгольской потестарно-политической культуры (emic), связанной с нерасчлененностью сознания, а с другой — многозначностью социально-политических терминов европейской современной науки (ethic) (Там же, 98–99).

Во-вторых, не все использовавшиеся в древности обозначения дошли до наших времен для переводов: исследователям часто приходится довольствоваться письменными источниками других народов (в частности, в китайских летописях), что, естественно, сразу накладывает отпечаток восприятия другой культуры и соответственно еще больше усложняет интерпретацию.

В частности, с этой сложностью сталкиваются исследователи культур, не оставивших после себя памятников своей письменной культуры. За них «говорят» их соседки-китайцы. Об этом пишет Е. И. Кычанов. Китайские авторы, отмечает он, постоянно подчеркивали особую роль кровнородственных отношений и кровнородственных групп в кочевых государствах. Хотя используют они при этом свои понятия, свои представления. За китайскими терминами кровного родства зачастую у кочевников такого не наблюдалось, за описываемыми связями стояли лишь территориальные отношения. Сами китайские тексты читаются даже авторитетными синологами по-разному.

Поэтому, считает Е. И. Кычанов, вопрос о применении китайских терминов для характеристики кровнородственных отношений, реальных и мнимых, на обширном материале

описания всех сопредельных с Китаем народов еще ждет своего исследования (Кычанов, 1997, 256–257).

В этих условиях, на мой взгляд, наиболее оптимальной видится позиция тех исследователей, которые отталкиваются или в первую очередь от имеющихся, найденных терминов самих культур, пытаясь трактовать их с помощью понятий европейской антропологической науки осторожно, с оговорками; или подчеркивающих многозначность терминов китайских летописей.

Другой проблемой является то, что трактовка определенных групп как «кланов» в подобных капитальных исследованиях авторитетных номадоведов встречается довольно часто и применяется этот термин в отношении образований, как находящихся у власти, так и в низовых слоях общества. При этом кланами исследователи называют структуры, в основе которых лежат родовые объединения, расширенные, полигамные семьи, сопровождающиеся неродственными включениями (искусственным родством) и выстраивающиеся часто с помощью фиктивной, мифологической генеалогии.

Например, хуннская империя, по определению Н. Н. Крадина, была в сущности «племенной империей». В ней сложная система кланово-племенной генеалогии номадов существовала с военно-иерархическими отношениями (Крадин, 2001, 192). По заключению Л. Н. Гумилева, хунны были единым племенем, разделенным на роды; это отличало их от племенного союза (Гумилев, 1993а, 59).

Во главе общественной пирамиды находился шаньюй. Он был верховным правителем, представлял империю в политических и экономических отношениях с другими странами и народами; был верховным главнокомандующим; являлся верховной судебной инстанцией и выполнял высшие жреческие функции. Шаньюи, как пишет Крадин, были из царского, «золотого» рода Люандьди, который единственный имел божественную «благодать», его представители считались «поставленными небом и землей» (Крадин, 2001, 138–141). Л. Н. Гумилев же считает, что само название

«шаньюй» («величайший») говорит о том, что это не царь, противопоставленный подданным, а первый между равными прочими старейшинами, которых было двадцать четыре. Его власть была ограничена родовой аристократией (Гумилев, 1993а, 59).

Правитель имел многочисленных домохладцев: жен, сыновей, принцесс, младших братьев и других родственников, которые располагались, как правило, в его ставке и составляли «королевский двор». При этом самыми титулованными из родственников правителя были десять «темников» из родственников шаньюя, которые занимали должности четыре и шесть «рогов» (крыла, ветви хуннского народа). Левый князь (сяньван) из четырех (восточных) был, как правило, официальным наследником престола. Вначале (при шаньюе Модэ) им был старший сын главной жены шаньюя, впоследствии порядок престолонаследия изменился, этот титул стали передавать в соответствии с очередью от брата к брату или от дяди к племяннику. Позже в составе десяти «темников» стали появляться и не кровные родственники правителя (Крадин, 2001, 143–147).

В состав аристократии входили и не родственники шаньюя — служилая знать — «гудухэу» («князя счастья»). Л. Н. Гумилев назвал их «пассионарной аристократией таланта». Они были помощниками высших вельмож и выполняли всю работу по управлению, были связаны не с отдельными родами, а с центральной системой управления (Гумилев, 1993а, 61).

Кроме родственников шаньюя в число высшей хуннской аристократии входили и другие знатные семейства — Хуянь, Лань, позднее Сюйбу, Цюлинь. Эти семейства были постоянными экзогамными партнерами царствующего рода (Там же, 148). Е. И. Кычанов называет их кланами (Кычанов, 1997, 13). Должности всех высших сановников, как происходивших из клана шаньюя, так и из других кланов, передавались по наследству (Там же, 19). Правда, Л. Н. Гумилев считает, что престолонаследие стало обычаем довольно поздним. Главной же формой передачи власти было завещание, хотя чаще всего шаньюй переда-

вал престол сыну (Гумилев, 1993а, 60).

В целом, Гумилев определил наличие трех категорий хуннской аристократии: принцев крови, служилой аристократии и родовой знати (Там же, 61). Ниже находились вожди племенных и надплеменных объединений. Они считались небольшими, мелкими князьями. Каждый имел в своем подчинении определенное число кочевников и скота. Их положение на иерархической лестнице определялось степенью влияния и количеством подчиненных им людей. Круг выполняемых ими обязанностей: в мирное время — управление перекочевками, улаживание конфликтов между подданными, редистрибуция и др.; в военное — выполнение функций офицерского корпуса (Крадин, 2001, 150–151).

Самые низшие уровни иерархической пирамиды власти составляли тысячники, сотники и десятники. Часть тысячников, по мнению Н. Н. Крадина, вполне могла быть племенными вождями, сотники и десятники же являлись родовыми (клановыми) старейшинами различных рангов. В обязанности и тех, и других входили хозяйственные, судебные, культурные, фискальные и военные функции (Там же). Род у хуннов был патриархальным, отчет родства велся по линии отца (Гумилев, 1993а, 66).

Власть верховного правителя шаньюя в таком обществе можно было бы назвать неограниченной, если бы не тот факт, подчеркиваемый Крадиным, что сам шаньюй, так же как и хуннские племенные вожди, как и местные племенные вожди, старейшины не управляли системой двойных политических и этнических связей, не опирались на реальную поддержку своих соплеменников. С одной стороны, выгоднее было ставить своих родственников и друзей. Но с другой стороны, чужим правителям, наместникам племена могли не подчиниться, откочевывали, убегали на юг в Китай или восставали. Соответственно связь подчиненных племен и имперских наместников — была самым уязвимым местом для империи. Причем, измены могли совершать не только неродственники, но и родственники шаньюя. Все это обуславливало хрупкое со-

стояние кажущейся со стороны незыблемой иерархической пирамиды хунну.

Тюркский правитель носил титул кагана, который был подобен хуннскому шаньюю. Как пишет Е. И. Кычанов, непонятно кто именно (сами тюрки или китайцы) увязывали традиции тюрков с хуннскими, делали их продолжателями хуннов. Во всяком случае, китайцы в своих письменных источниках, приписывали представителям рода Ашина хуннские должности (Кычанов, 1997, 95).

По мнению А. Н. Гумилева, удельно-лестничную систему наследования престола, которую ученые усматривают и в политической системе хунну, приняли и ярче всего развили именно древние тюрки. Согласно закону Мугань-хана престол наследовал не сын отцу, а младший брат старшему и старший племянник младшему дяде. В ожидании престола принцы крови получали в управление уделы (Гумилев, 1993б, 57). Это было существенным усовершенствованием простых клановых правил наследования. Главными принципами в новшестве стали: политический прагматизм и рациональность. Каждый принц крови мог претендовать на престол, ожидать его «в порядке очереди». Удельные князья в надежде рано или поздно получить верховную власть не затевали смут и распрей, и держава расширялась по всем направлениям. Правда, как отмечает Гумилев, монолитности в обществе все равно не могло сложиться, восстания во главе с царевичами, князьями крови происходили регулярно (Там же, 59).

Кроме того, правящий клан Ашина вел свое происхождение от волчицы. Эта династия, по представлениям древних тюрков, являлась средоточием тюркской государственности. Весь клан обладал «небесной харизмой» — силой кут. При этом обряд интронизации кагана носил явные отголоски его выборности в прошлом. Кандидату в каганы требовалось одобрение сородичей (Кычанов, 1997, 99). Они же сами были нужны в управлении кагану.

Главной опорой кагана были члены правящего рода. Они также подразделялись на группы, и их положение определялось сторонами относительно кагана. По древнетюркской

системе родства вычленились отец, мать и их линии (мужское, женское); по полу выделялись братья и дядя (все мужчины носили титул тегин (тэлэ)), сестры и тетки; родственники делились на старших и младших (Там же, 102).

Через двадцать лет после утверждения каганата государство было разделено на три части (центр, восточное и западное крылья), которыми также управляли каганы — младшие, из клана Ашина. Тем самым, как подчеркивает Е. И. Кычанов, каган не занимал исключительного положения, его сородичи всегда претендовали на свою долю власти и добивались ее (Там же, 107). Такой порядок обеспечивал стабильность управления государством и некоторое спокойствие в правящем доме.

Верхний эшелон власти включал помимо каганов также: ябгу, шадов, людей из клана Ашина, высших сановников, управлявших покоренными нетюркскими племенами, — тутуков-наместников и, наконец, глав союзных тюркских племен с титулами этельбеков и иркинов (Там же, 109). Высшие должности и прочие чины государства были наследственными.

Общество древних тюрков исследователи характеризуют по-разному, признавая совмещение у них племенного и военного строя.

Например, И. Эчеди считает, что древнетюркская империя покоилась на трех «китах»: кланах, племенах и политической власти. Кланами она называет основную сеть экзогамных кровнородственных групп с патрилинейным отсчетом родства. Племена — отдельные, даже территориально определенные экономические единицы, которые обладали природой большей сплоченности и социальной мобильности. Они являлись источником энергии, получаемой как экономическим, так и иными путями исключительно для своего руководящего клана. Политическая власть поддерживалась военным превосходством одного или нескольких племен, представленным своими кланами (По: Кычанов, 1997, 116–117).

По определению А. Н. Гумилева, держава правящего рода Ашина стояла на стадии военной демократии, поглотившей родовой строй (Гумилев, 1993б, 64). Клановые взаимо-

отношения здесь особенно очевидно стали инструментами для правящего рода с его многочисленными претендентами в их борьбе за власть, получили мифологическое оправдание перед подчиненным народом.

Уйгуры, освободившись из-под власти тюрков, заключили союз с Китаем и основали свое государство, переняв многие принципы власти от тюрков, в том числе и название должности правителя — каган. Сами уйгуры и подчиненные им басмылы и карлуки составили, как пишет Е. И. Кычанов, девять кланов уйгуров и кэб у («бу гостей»). Члены правящего дома также носили титулы тегинов. Договор с Китаем был оформлен в терминах родства: каган уйгуров признал себя вассалом и сыном императора Тан (Кычанов, 1997, 121–123).

В Киргизском каганате, как и в уйгурском, встречались и древнетюркские традиции, и китайские заимствования в должностных делениях. Правитель также именовался каганом, а чиновники подразделялись на разряды, схожие с министерскими чинами танского Китая (Там же, 124).

О родах как основных единицах монгольского общества, особенно в начале его становления (в XI–XIII вв.), пишет Б. Я. Владимирцов: «Роды... близки друг другу, составляли у древних монголов племя или подплемя (поколение), которое называлось *irgen*» (По: Крадин, Скрынникова, 2006, 81). Сами роды, по его мнению, и раньше очень редко жили отдельно, обособленно. Образуя более крупные объединения, роды в то же время и постоянно делились, от них образовывались отдельные ветви и образовывались, таким образом, новые родовые общества. Смешение же терминов «род» и «племя», как считает Владимирцов, происходит от основных источников. В действительности же, по его мнению, род или целый ряд родов монголов, состоявший из владельцев и их подчиненных, следует называть кланом (Там же, 82).

Н. Н. Крадин и Т. Д. Скрынникова усматривают в монгольском обществе разные формы семей: малая нуклеарная (у небогатых скотоводов) и расширенная полигамная (у бога-

тых монголов). Но при более высоких уровнях организации у монголов, как и у других кочевников Евразии, кочевание происходило общинами из 5–10 семей, при низкой — существовала максимальная община, линиджи, кланово-родовые объединения в сотни домохозяйств (Там же, 82–86).

Соответственно роды и родовые отношения составляли основу и Великой Монгольской империи. Хотя исследователи подчеркивают, что Чингисхан стремился опираться не на родственников, а на своих нукеров. Племенная вражда, непостоянство, предательство дядьев и братьев самого Темучжина побудили его к попытке создавать принципиально иную политическую организацию, укреплять личную власть.

Однако, как подчеркивают Крадин и Скрынникова, только часть военных подразделений Монгольской империи имела смешанное происхождение, большинство формирований были основаны на старых племенных связях, статус родственников был все же выше, чем статус верных сподвижников хана. «Это ли не показатель удивительной стойкости племенной культуры кочевников, — цитируют они казахского ученого Э. Масанова, — которая, несмотря на все помыслы Чингисхана разрушить ее, регенерировалась практически сразу после смерти Завоевателя мира. Сломать ее не удалось пока никому — ни Человеку Второго тысячелетия, ни европейскому колониализму, ни советской тоталитарной системе» (Там же, 327–328).

Принцип конического клана в верховной власти монголов также был восстановлен еще при жизни завоевателя. Родовые институты не были уничтожены, а лишь скорректированы. Был выработан иной механизм взаимодействия конического клана и харизматического лидера, основанием которого являлось добровольное подчинение старшего Чингисхану и верная служба ему. Если раньше родоплеменная структура была основой хозяйственной деятельности общества, то позже, раздавая уделы своим сподвижникам, хан ориентируется не на территориальный принцип

учета своих владений, а на раздачу людей по родоплеменным единицам. Изменение состояло в том, что последние теперь не всегда и необязательно управляются их родовым главой, часто уже убитым во время завоевания. Закрепленная за лидером собственность становилась наследственной, передавалась его потомкам, клан которых, в свою очередь, разрастался, и властные отношения опять приобретали форму традиционных, фиксированных в генеалогии (Там же, 343–344).

Правящие роды (ханские, каганские) сложились у всех основных татаро-монгольских племен: собственно монголов, татар, керейтов, меркитов, найманов. При этом ханские роды строго следили за своей родословной (Кычанов, 1997, 184). Хана улуса (народа) выбирало нойонство (знать). Но избрание на ханский престол Темучжина и его сородичей, пишет Е. И. Кычанов, показывает, что это был выбор лишь из среды правящего ханского рода (Там же, 189).

Таковы основные принципы формирования и функционирования власти в кочевых государственных образованиях. Очевидно, что у кочевых (и не только) культур древности Центральной Азии присутствует значительный фактор клановости, о чем пишут практически все исследователи. Однако общим также является утверждение о том, что кланы во власти далеко не всегда являлись «чистыми» родами.

По мнению американского антрополога Т. Барфилд, в целом политическая (как и собственно социальная) организация кочевых племен основывалась на родственных группах, которые были организованы по принципу конического клана (Барфилд, 2002, 67–70). Такой клан был обширной родственной организацией по отцовской линии, в которой члены общей наследственной группы были ранжированы и сегментированы вдоль генеалогических линий. Старшие поколения превосходили по рангу молодые, точно так же, как старшие братья были выше по статусу, чем младшие. При расширении роды и кланы иерархически классифицировались на основе старшинства. Структура клана основыва-

лась на ряде принципов, в том числе: лидерство по старшинству, солидарность родственников по мужской линии против чужаков.

Однако при этом Т. Барфилд указывает также на тот факт, что в реальной жизни было много отступлений от этих принципов. Племенные вожди набирали личных последователей, которые отрекались от своих кровных родственных связей, младшие линии продвигались вверх, убивая старших конкурентов, принципы наследования по мужской линии модифицировались, чтобы присоединить неродственных людей.

Фактические родственные связи были эмпирически видны только в пределах меньших элементов племени (нуклеарных семьях, расширенных домохозяйствах, локальных родах). Барфилд отмечает, что «на более высоких уровнях объединения кланы и племена поддерживали связи больше политического происхождения, в которых генеалогические связи играли лишь несущественную роль». «Однако, — также оговаривает он, — идиома родства оставалась общепотребительной при определении законности руководства в пределах правящей элиты созданной номадной империи, поскольку существовала долгая традиция племен центральной степи брать руководство из одного династического рода» (Там же, 69).

Исследователи отмечают, что политические структуры кочевников отличались разнообразием в разные периоды истории. При этом существовали, с одной стороны, идеалы организации власти, преемственности, а с другой — отступления от этих идеалов. По выражению Н. Н. Крадина, «социальная организация кочевых обществ представляла собой сложную иерархическую, многоступенчатую систему, низшие звенья которой основывались на реальных кровнородственных и экономических связях, а более высокие уровни базировались на фиктивном генеалогическом родстве, общинных связях, трудовой кооперации» (Крадин, 1993, 195).

Таким образом, очевидно, что изучение политических кланов современных центральноазиатских обществ затруднено в первую

очередь терминологическими проблемами. Уже у истоков кочевых культур обнаруживается отсутствие классических кланов, социальные образования номад были разнообразными, постоянно видоизменялись.

Общим для кочевников разных периодов истории является лишь то, что политика во власти в кочевых обществах определялась не только и не столько «чистыми» родовыми группами, а кланами как определенными родоплеменными социальными корпорациями.

Это обстоятельство обуславливает живучесть данного явления и большую сохранность клановости в политической жизни центральноазиатских народов в современности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барфилд, Т. (2002) Мир кочевников-скотоводов // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М.

Гаман-Голутвина, О. В. (2006) Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М.

Гумилев, Л. Н. (1993а) Хунну. Степная трилогия. СПб.

Гумилев, Л. Н. (1993б) Древние тюрки. М.

Коновалов, П. Б. (1993) К истокам этнической истории тюрков и монголов // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.

Крадин, Н. Н. (2001) Империя Хунну. 2-е изд. М.

Крадин, Н. Н. (1993) Структура власти в государственных образованиях кочевников // Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти. М.

Крадин, Н. Н., Скрынникова, Т. Д. (1996) Империя Чингис-хана. М.

Кычанов, Е. И. (1997) Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.

Ламажаа, Ч. К. (2007) Клановость в политической жизни регионов России // Знание. Понимание. Умение. № 3.

Михайлов, Т. М. (1993) Развитие этнического самосознания монголов в XII–XIV вв. // Этническая история тюрков и монголов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.